

На правах рукописи

ТРАВНИКОВ Александр Владимирович

**ВОВЛЕЧЕНИЕ В СОВЕРШЕНИЕ
ПРОТИВОПРАВНЫХ ИЛИ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ**

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2022

Работа выполнена в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Научный руководитель: **Милюков Сергей Федорович**, доктор юридических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена», профессор кафедры уголовного права

Официальные оппоненты: **Пудовочкин Юрий Евгеньевич**, доктор юридических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия», профессор кафедры уголовного права

Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна, доктор юридических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», профессор кафедры уголовного права

Ведущая организация: федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Защита диссертации состоится 2 июня 2022 г. в 14 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 203.002.01, созданного на базе ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», по адресу: 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, ауд. № 404–406.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте Академии управления МВД России: <https://a.mvd.rf>.

Автореферат разослан 1 апреля 2022 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат юридических наук

Крымов Виталий Александрович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Необходимость повышенного уровня защищенности отдельных благ требует от законодателя установления уголовно-правовых запретов, направленных на пресечение умножения и распространения опасной деятельности субъектов. Значительный антисоциальный потенциал одних лиц, передаваемый путем вовлечения в совершение противоправных или антисоциальных действий другими лицами, нарушает не только общественные отношения по охране интересов несовершеннолетних, безопасности общества и государства, но и представляет собой вектор развития преступности в будущем. Наиболее часто юридическая фиксация подобных преступлений происходит через дефиницию «вовлечение».

С каждым годом количество преступлений, где конститутивным признаком объективной стороны выступает дефиниция «вовлечение», снижается. Наибольший удельный вес занимают составы преступлений против интересов несовершеннолетних: в 2017 г. по ст.ст. 150, 151 УК РФ осужден 601 человек, в 2018 г. по ст.ст. 150, 151, 151² УК РФ – 535, в 2019 г. – 509, в 2020 г. – 409. За преступления против общественной безопасности (ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ст. 240, ч. 2 ст. 242 УК РФ) в 2017 г. осуждено 109 человек, в 2018 г. – 147, в 2019 г. – 130, в 2020 г. – 137. За преступления экстремисткой направленности (ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282² УК РФ) с 2017 г. по 2020 г. осуждено всего 11 человек. На фоне снижения количества осужденных количество составов, оперирующих термином «вовлечение», неуклонно растет. Так, если с момента введения в действие УК РФ в нем было предусмотрено всего 4 состава преступления, включающих дефиницию «вовлечение», касающихся интересов несовершеннолетних (ст.ст. 150, 151 УК РФ) и в сфере половой морали (ст. 240, ч. 2 ст. 242 УК РФ), то в настоящее время их уже 10. Все они, имея разные объекты уголовно-правовой охраны, по-разному понимают порядок нормативного закрепления способов вовлекательской деятельности. Учитывая расширение перечня составов вовлечения в уголовном законе, важно дать оценку

своевременности, достаточности и криминологической обусловленности активизации законодателя по конструированию раннепрофилактического воздействия, а также сформулировать те общественно опасные проявления, которые также нуждаются в уголовно-правовой регламентации уже на стадии вовлечения.

Доктринальные толкования и правоприменение отличаются полисемией, что обосновывает научный поиск в определении вовлечения как признака объективной стороны различных составов преступлений в совокупности. Учитывая, что законодатель оперирует данным термином как одновременно с иными, сходными по значению дефинициями, так и отдельно, возникает необходимость исследования пределов «вовлечения» в каждом составе. Доминирующей точкой зрения в науке считается, что составы преступлений, сформулированные с использованием термина «вовлечение», представляют собой особый вид подстрекательства. Однако подстрекательство представляет собой часть учения о соучастии в преступлении, тогда как в ряде составов преступлений, где используется рассматриваемая дефиниция, лицо вовлекается не в преступление. В связи с этим невозможно утверждать, что это особый вид подстрекательства, а соответственно, нельзя полностью «перекладывать» признаки подстрекателя на признаки вовлечателя.

Таким образом, актуальность темы исследования объясняется расширением перечня составов преступлений, где вовлечение является конститутивным признаком объективной стороны, часть из которых еще не рассматривались на монографическом уровне, а также существующими противоречиями по ряду вопросов как в науке, так и практике, т. к. определить границы преступного вовлечения, исходя из легального толкования и разъяснений высшей судебной инстанции, не представляется возможным ввиду многообразия понятий и признаков и границ преступного вовлечения.

Степень разработанности темы исследования. Вовлечение является предметом пристального внимания ученых в большей части в контексте преступлений против интересов несовершеннолетних (С.Ш. Ахмедова,

М.В. Иванова, Н.Н. Косова, А.С. Кубатбекова, И.В. Литвинова, Б.А. Мкртычян, А.И. Морозов, Т.А. Олейникова, А.В. Осипьян, Ф.Ю. Петров, Ю.Е. Пудовочкин, А.В. Ткаченко, З.Х. Ханова, Н.П. Шевченко и др.); отдельные монографические исследования посвящены вопросам вовлечения в занятие проституцией (И.С. Алихаджиева, Р.А. Арсланбекова, Е.Г. Быкова, Р.С. Джинджолия, А.Е. Шпаков, С.А. Яшков и др.), вовлечения в террористическую деятельность (И.Е. Елизаров, А.В. Серебряков, М.В. Сипки и др.). По проблемам вовлечения в экстремистскую деятельность целевых монографических исследований не имеется.

Общие вопросы вовлечения раскрываются в работах Е.П. Коровина, В.В. Палий. Одним из последних исследований, посвященных вопросам подстрекательства к преступлению, является диссертация А.С. Некоза.

Все эти исследования составили добротную методологическую основу для дальнейшего развития темы, что необходимо с учетом динамичности изменения уголовного закона. При этом имеется очевидная потребность в комплексном исследовании проблемы и конкретных научно-методических материалах для практического применения норм, устанавливающих ответственность за вовлечение в преступную или антиобщественную деятельность.

Объектом диссертационного исследования выступает комплекс общественных отношений, связанных с вовлечением в противоправную или антиобщественную деятельность.

Предмет исследования – уголовно-правовая природа специального подстрекательства, теоретические конструкции составов преступлений, где в диспозициях представлена дефиниция «вовлечение», доктринальные подходы к определению преступлений, направленных на пресечение умножения и распространения опасной деятельности субъектов, а также федеральное законодательство и подзаконные акты, данные официальной статистики.

Цель исследования заключается в построении четкого алгоритма достаточности, взвешенности, корректности криминализации объективно опасных вовлекательских действий в противоправную или антиобщественную

деятельность и аргументации границ дефиниции «вовлечение» в уголовно-правовом смысле.

Достижение поставленной цели обусловило постановку следующих **задач**:

- определить характерные черты подстрекательства как формы соучастия;
- обосновать признаки специального подстрекательства и способы его юридической фиксации;
- сформулировать понятие «вовлечение» и классифицировать нормы Особенной части УК РФ, оперирующие данным термином;
- выявить особенности конструирования и применения ст. 150 УК РФ с учетом полисемии взглядов в доктрине и современных тенденций в практической деятельности;
- определить достаточность перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 151 УК РФ форм антиобщественных действий, предложить решение проблем, с которыми сталкивается правоприменитель;
- обосновать своевременность установления уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, представляющих опасность для его жизни, и предложить критерии оценки действий вовлечателя для формирования единообразной практики;
- раскрыть правовую природу вовлечения в террористическую деятельность и обосновать перспективность решения социально-политических проблем уголовно-правовыми средствами путем установления специального подстрекательства при массовых беспорядках;
- аргументировать социально-правовые предпосылки криминализации вовлечательской деятельности относительно проституции и порнографии;
- дать определение дефиниции «склонение, вербовка и иное вовлечение» применительно к преступлениям экстремистской направленности и обосновать правила квалификации и отграничения действий подстрекателя от других видов соучастия;
- проанализировать соответствующую статистику, изучить правоприменительную практику, на этой основе разработать научно

обоснованные рекомендации и предложения, направленные на улучшение качества уголовного закона в части реализации норм со «специальным подстрекательством».

Методология и методы исследования. Методологическую основу исследования образует диалектический метод познания и базирующиеся на нем общенаучные и частнонаучные методы, обеспечивающие объективность, системность подхода, позволившие определить рамки преступного вовлечения. Герменевтический и формально-юридический методы позволили сформулировать основные понятия, гипотетико-дедуктивный дал возможность соотнести выдвинутые гипотезы с эмпирическими данными, метод синтеза позволил обосновать объединение изучаемых в работе составов преступлений, метод индукции дал возможность выявить сходные и отличительные черты вовлекательских действий в разных преступных посягательствах, метод прогнозирования использовался при формулировании выводов о необходимости криминализации и декриминализации отдельных вовлекательских деяний.

Нормативная база исследования представлена Конституцией Российской Федерации, международно-правовыми актами, Уголовным и другими кодексами Российской Федерации, федеральным законодательством, подзаконными актами Правительства Российской Федерации, министерств, а также стратегиями противодействия отдельным негативным проявлениям и защиты национальной безопасности общероссийского уровня и регионального.

Теоретическую базу исследования составили основные положения, связанные с анализом категории «вовлечение», разработанные З.А. Абакаровым, С.А. Ершовым, М.В. Ивановой, А.П. Козловым, Е.П. Коровиным, Т.И. Косаревой, А.С. Некозом, К.В. Ображиевым, В.В. Палий, С.В. Шевелевой; исследования, касающиеся противодействия преступности против интересов несовершеннолетних, в работах Ю.А. Альтудова, С.Ш. Ахмедова, В.Н. Бурлакова, А.В. Ермолаева, Л.В. Иногамовой-Хегай, Н.Н. Косовой, А.С. Кубатбекова, Б.А. Мкртычяна, А.И. Морозова, Т.А. Олейниковой, А.В. Осипьян, Ф.Ю. Петрова, Ю.Е. Пудовочкина, А.В. Ткаченко, Д.А. Шестакова; проблемы экстремизма и

терроризма в исследованиях Ю.М. Антоняна, С.В. Борисова, А.В. Жеребченко, Я.И. Гилинского, И.Е. Елизарова, И.С. Макеевой, С.Ф. Милюкова, А.В. Петрянина, С.Н. Фридинского; проституции – в работах И.С. Алихаджиевой, Р.А. Арсланбекова, Р.Б. Осокина, О.А. Петряниной, Ю.П. Смирнова, В.С. Соловьева и других авторов.

Использованы достижения в области философии, психологии, педагогики, социологии, медицины отечественных и зарубежных ученых, таких как О.Ж. Бузик, В.И. Гребенщиков, А.В. Кузьмин, Д.А. Лазарев, О.А. Лиходей, А.В. Пентюхов, Т.Ф. Фарафутдинов, Ф.Г. Щеглов.

Эмпирическую базу исследования составляют:

– статистические данные и отчеты Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о количестве лиц, осужденных по ст.ст. 150, 151, 151², 205¹, 212, 240, ч. 2 ст. 242, 282¹, 282², 361 УК РФ за период с 2016 г. по 2020 г.;

– данные изученных автором более 500 судебных решений по уголовным, административным делам, административным искам государственных органов о признании информации незаконной, имеющих отношение к тематике исследования за период с 2010 г. по 2020 г. на территории Центрального федерального округа, Северо-Западного федерального округа, Южного федерального округа, Сибирского федерального округа, Уральского федерального округа, Дальневосточного федерального округа;

– статистическая информация ГИАЦ МВД России за 2015–2020 гг.;

– результаты эмпирических исследований, полученных другими отечественными и зарубежными учеными, в том числе психологами, медиками.

Научная новизна диссертации. Сформулирован алгоритм определения взвешенности и корректности криминализации объективно опасных вовлекательских действий в противоправную или антиобщественную деятельность, что позволило определить круг составов вовлечения с точки зрения возможности достижения результатов общей и частной превенции, своевременности и достаточности криминализации.

Обоснованы границы нормативного закрепления дефиниции «вовлечение» в уголовном законе.

Элементами новизны отличаются представленные понятия дефиниций «вовлечение», «склонение», «вербовка», очерчены границы лингвистического оборота «иное вовлечение», используемого законодателем в ряде составов вовлечения, уточнено понятие «специальное подстрекательство», аргументированы критерии разграничения специального подстрекательства от иных форм специального соучастия в преступлениях террористической, экстремистской направленности. Научно обоснована целесообразность расширения уголовно наказуемого вовлечения в антиобщественную деятельность.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Вовлечение, закрепленное в Особенной части УК РФ в качестве криминообразующего признака отдельных составов преступлений, представляет собой одну из форм специального подстрекательства. Специальное подстрекательство может носить адресный и безадресный характер. Безадресное подстрекательство, как правило, выражено дефинициями «призывы», «распространение», «рекламирование», «публичная демонстрация». Вовлечение же всегда носит адресный характер. В случаях специального подстрекательства преступление окончено с момента начала потерпевшим преступных действий либо дачей согласия на совершение преступления в зависимости от конструкции нормы. Более ранний момент окончности преступления объясняется стремлением законодателя к пресечению умножения и распространения посягательств на особо защищаемые блага, связанные с интересами несовершеннолетних, общественной безопасностью, а также безопасностью государства.

2. Вовлечение представляет собой результативное информационное и (или) физическое воздействие на другое лицо с целью побудить к совершению действий, желаемых виновным. Склонение и вовлечение представляют собой сходные по содержанию понятия с той лишь разницей, что склонение есть

процесс, а вовлечение – результат, выраженный в подтвержденной решимости потерпевшего совершить те действия, которые от него ждет виновный. Конструкция состава преступления, включающая термин «вовлечение», имеет усеченный характер, тогда как конструкция состава с дефиницией «склонение» должна иметь формальный состав. При совместном употреблении данных терминов состав преступления должен оцениваться как формальный.

3. В случае юридико-технического приема в виде сочетания «вовлечение» с дефинициями «склонение, вербовка» в большей мере применимого при конструировании составов преступлений против общественной или государственной безопасности, расширение границ преступного воздействия можно объяснить желанием законодателя охватить любые формы преступного влияния на лиц, совершающих действия террористической или экстремистской направленности, массовые беспорядки и т. д. – как вербальные, так и невербальные, как насильственные, так и без применения насилия. Поэтому точнее было бы диспозиции таких составов формулировать через конструкцию «вовлечение или принуждение к совершению каких-либо действий», как дефиниции, отражающие различные способы воздействия.

4. Для формирования теоретической основы как предпосылки единообразной практики составы преступлений, в диспозиции которых включен термин «вовлечение», классифицированы:

по объекту посягательства:

– преступления против интересов несовершеннолетних – ст.ст. 150, 151, 151² УК РФ;

– преступления против общественной безопасности – ст.ст. 205¹, 212, 240, ч. 2 ст. 242 УК РФ;

– преступления против безопасности государства – ст.ст. 282¹, 282², 361 УК РФ);

– *по степени их общественной опасности (вредности)* можно выделить:

– вовлечение в совершение преступления – ст.ст. 150, 205¹, ч. 2 ст. 212, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282², ч. 2 ст. 361 УК РФ;

– вовлечение в совершение антиобщественных действий, таких как алкоголизм, наркомания, бродяжничество, попрошайничество, проституция, порнография, опасные противоправные действия – ст.ст. 151, 151², 240, ч. 2 ст. 242 УК РФ.

Представленные классификации являются взаимодополняющими в силу того, что границы вовлечения шире в составах преступлений, охраняющих интересы общественной и государственной безопасности, тогда как вовлечение в преступную деятельность должно признаваться уголовным законом как более опасное деяние, нежели вовлечение в совершение антиобщественных действий.

5. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления по признакам ч. 1 ст. 150 УК РФ может выражаться путем предложений, обещаний, обмана, угроз и других ненасильственных способов; по ч. 2 ст. 150 УК РФ уголовной ответственности должны подлежать любые лица, которые в силу кровного родства (мать, отец), требования закона (опекун, попечитель, педагог, медицинский работник) либо жизненных обстоятельств при совместном проживании (мачеха, отчим, дедушка, бабушка, старший брат или сестра, фактический воспитатель) осуществляют воспитание несовершеннолетнего. Учитывая, что ч. 3 ст. 150 УК РФ содержит указание на угрозу применения насилия в качестве квалифицирующего обстоятельства, полагаем возможным в целях формирования единообразной практики и учитывая, что угрозы не имеют такой же общественной опасности, как физическое насилие, изменение редакции данной нормы в виде: «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с применением насилия в отношении потерпевшего либо близких ему лиц и других живых существ». Под преступной группой по признакам ч. 4 ст. 150 УК РФ следует понимать любые формы соорганизации лиц для совершения преступления. В случае организации террористической или экстремистской направленности, банды, преступного сообщества или незаконного вооруженного формирования необходима

дополнительная квалификация по соответствующей статье УК РФ, иные формы соорганизации дополнительной квалификации не требуют. Вовлечение малолетнего в совершение общественно опасного деяния целесообразно признать особо квалифицированным признаком.

6. На базе исследований психологов, психиатров, социологов, подтверждающих опасность лудомании, а также факта того, что данная форма патологии возникает в 2–3 раза быстрее у подростков, чем у совершеннолетних, и практически во всех случаях сопровождается коморбидностью, обоснована необходимость криминализации вовлечения несовершеннолетнего в участие в азартных играх как одного из вида антиобщественных действий.

Наиболее распространённой формой вовлечения в антиобщественную деятельность является распитие (употребление) алкогольной и спиртосодержащей продукции даже тогда, когда несовершеннолетнего вовлекают в иные формы антиобщественной деятельности. В частности, ввиду фактического отсутствия перечня одурманивающих веществ, в практической деятельности игнорируются факты подобного вовлечения. Предлагается давать оценку не по виду одурманивающего вещества, а по факту наличия состояния опьянения.

Систематичность предполагает совершение трех и более любых антиобщественных действий, перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 151 УК РФ. Нельзя признать систематичностью вовлечение по одному разу разных подростков либо разовое антиобщественное действие в компании взрослых. В ситуациях, когда один совершеннолетний систематически вовлекает сразу несколько несовершеннолетних в антиобщественную деятельность, должна иметь место юридическая оценка действий виновного по совокупности, т. е. отдельно по каждому потерпевшему.

7. Под вовлечением по смыслу ч. 1 ст. 151² УК РФ следует понимать действия, направленные на возбуждение желания у несовершеннолетнего совершить опасные для себя противоправные действия. Вовлечение должно происходить в реально (а не гипотетически) опасный для жизни вариант

поведения. Учитывая, что вовлечение (и склонение как его часть) должно носить целенаправленный характер, п. «в» ч. 2 ст. 151² УК РФ при существующем технико-юридическом изложении не способен отвечать данному критерию. Более уместно употребление термина «призывы», как безадресной формы воздействия на неопределенный круг лиц. Наличие термина «склонение» в диспозиции является технико-юридической ошибкой.

Под противоправными действиями следует понимать действия, запрещенные административным или уголовным законодательством. Преступление следует признавать оконченным с момента совершения несовершеннолетним опасных для себя противоправных действий.

8. Аргументирована новая архитектура ст. 205¹ УК РФ: определяется разный уровень общественной опасности подстрекательства к террористической деятельности, где меньшей опасностью обладает вовлечение в преступления террористической направленности, большей – вооружение, подготовка новых участников и финансирование; предложен квалифицирующий признак вовлечения несовершеннолетнего в указанную деятельность.

Под организацией массовых беспорядков следует понимать, в том числе, и склонение, вербовку и иное вовлечение конкретных лиц, что подтверждается практикой. Выделение специального подстрекательства к массовым беспорядкам в ч. 1¹ ст. 212 УК РФ можно объяснить важностью предупреждения попыток воздействия на власть, реформирования массового сознания населения России, и особенно молодежи, в сторону создания ложных убеждений в целесообразности и неизбежности демонтажа существующей системы управления. С учетом общих деструктивных процессов в мире и нарастающей практики «цветных революций» общественная опасность таких действий усилилась.

9. Вовлечение совершеннолетнего лица в проституцию без психического и физического насилия не может признаваться преступным общественно опасным деянием. Любые насильственные (физические и психические) способы вовлечения в проституцию, а также обман следует

рассматривать как преступление, предусмотренное ст. 240 УК РФ. Вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественную деятельность (проституцию) даже без психического или физического насилия должно признаваться преступным.

10. Склонение, вербовка и иное вовлечение, используемые в ч. 1¹ ст. 282¹, ст. 282² УК РФ, нельзя рассматривать как синонимичные термины. Под склонением следует понимать процесс воздействия на психику жертвы, направленный на получение согласия присоединиться к преступной деятельности экстремисткой организации без применения психического или физического насилия. Вербовка представляет собой систематический поиск, подбор, найм новых участников в уже существующую организацию. «Иное вовлечение» – это действия, не подпадающие под концепт «склонение и вербовка», т. е. это результативные действия, основанные на психическом или физическом насилии (шантаж, угроза причинения вреда здоровью, угроза увольнения с работы, нанесение ударов, не повлекших расстройства здоровья, действия, направленные на унижение чести и достоинства).

При отграничении функции организатора следует учитывать, что организатор выполняет большой спектр действий, в том числе и подбор соучастников. В случае если речь идет о создании экстремисткой организации преступная деятельность организатора может заключаться лишь в наборе участников, разделяющих его взгляды. Приискание соучастников на этапе уже существующей организации должно оцениваться по признакам ч. 1¹ ст. 282¹ или ч. 1¹ ст. 282² УК РФ соответственно.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что совокупность представленных выводов создает логически цельное учение о составах вовлечения в противоправную или антиобщественную деятельность. Представленный алгоритм выявления объективно опасных вовлекательских действий позволяет выстроить вектор дальнейшего научного поиска пределов криминализации деяний, направленных на пресечение умножения и распространения опасной деятельности субъектов. Сформулированные понятия,

признаки, классификация специального подстрекательства обогащают уголовно-правовую науку в целом, в том числе в части учения о соучастии.

Практическая значимость определяется отдельными элементами работы, имеющими прикладное значение в части аргументации правил квалификации при вовлечении в антиобщественную или преступную деятельность.

Научно обоснованные результаты могут быть использованы при дальнейшем совершенствовании уголовного законодательства, применяться в образовательном процессе при преподавании дисциплин криминального цикла, а также в научно-исследовательской работе.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность и обоснованность полученных результатов обусловлены используемой методологией и методами исследования, репрезентативностью эмпирических материалов, а также официальных данных судебной статистики и правоприменительной практики. Основные положения и выводы работы были изложены в докладах на научных конференциях: 4-й международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы развития современного общества» (Курск, 2020); межвузовской научно-практической конференции «Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних и молодежи» (Санкт-Петербург, 2021); ежегодной всероссийской научно-практической конференции «Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра» (Санкт-Петербург, 2021) и др.

Основные положения исследования отражены в 9 научных публикациях, 6 из которых – в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Отдельные результаты диссертационного исследования внедрены образовательный процесс и научную деятельность Санкт-Петербургского университета МВД России, а также в практическую деятельность Главного следственного управления Главного управления Министерства внутренних дел

Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области и Центра по противодействию экстремизму (Центр «Э») Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Структура работы обусловлена предметом, целью и задачами. Диссертация состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, сформулирована цель, определены задачи и методологическая основа работы. Представлены положения, выносимые на защиту и характеризующие новизну научного исследования, обосновывается теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава **«Понятие и общая характеристика вовлечения как уголовно-правовой категории»** состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Вовлечение как форма подстрекательства в Общей части УК РФ» представлены доктринальные подходы к пониманию данной формы преступной деятельности, определены отличительные от всех форм соучастия черты. Так, подстрекатель отличается от организатора меньшим объемом действий. Учитывая, что роль организатора также может оцениваться через дачу указаний, отграничение необходимо осуществлять по характеру указаний. Если речь идет об указаниях, носящих распорядительный характер (кто и что должен делать), такие действия следует рассматривать как организаторские. Указания, носящие технический характер (возможность более легкого проникновения в жилище, указание маршрута следования и т. п.), следует расценивать как пособничество. При подстрекательстве, в отличие от пособничества, действия направлены на формирование умысла подстрекаемого,

тогда как при пособничестве умысел на совершение преступления уже сформирован. Под «специальными формами подстрекательства» необходимо понимать самостоятельные преступления, что объясняется повышенным требованием уровня защищенности тех благ, на нарушение которых вовлекается потерпевший, а также моментом окончания подстрекательских действий. Действия подстрекателя, несущие конкретизированный адресный характер, определяются через дефиниции «вовлечение», «склонение», «вербовка», безадресное подстрекательство, как правило, выражено понятиями «призывы», «распространение», «рекламирование», «публичная демонстрация».

Во втором параграфе «Вовлечение как «специальное подстрекательство» в Особенной части УК РФ» конкретизируются способы юридической фиксации действий подстрекателя, определяемых законодателем как самостоятельное преступление. Это может быть склонение, принуждение, понуждение, дача рекомендаций, побуждение, подкуп, вербовка и другие. Вовлечение представляет собой в определенной степени универсальное понятие. Разница вовлечения с текстуальными нормативными единицами определена посредством системного толкования каждой из них. Склонение и вовлечение представляют собой сходные по содержанию понятия с той лишь разницей, что склонение есть процесс, а вовлечение – результат, выраженный в подтвержденной решимости потерпевшего совершить те действия, которые от него ждет виновный. Поэтому составы преступлений, включающих термин «вовлечение», имеют усеченный характер, тогда как конструкция объективной стороны с дефиницией «склонение» должна иметь формальный состав.

В третьем параграфе «Развитие института вовлечения в преступную и антиобщественную деятельность с учетом тенденций изменения криминальной ситуации и сферы общественной безопасности в России» представлено хронологическое развитие норм, содержащих понятие «вовлечение», а также обобщенный анализ всех составов преступлений, содержащих данную дефиницию. Определены особенности конструкции составов преступлений, где +«вовлечение» синонимизируется со склонением, вербовкой,

принуждением. В случае юридико-технического приема в виде сочетания «вовлечение» с дефинициями «склонение, вербовка», в большей мере применимого при конструировании составов преступлений против общественной или государственной безопасности, расширение границ преступного воздействия можно объяснить желанием законодателя охватить любые формы преступного влияния на лиц, совершающих действия террористической или экстремистской направленности, массовые беспорядки и т. д. – как вербальные, так и невербальные, как силовые, так и без применения насилия. Полагаем, что достижение согласия потерпевшего на совершение конкретных действий, сопровождающиеся насилием (как психическим, так и физическим) должно именоваться принуждением. При принуждении как способе совершения преступления общественное деяние заключается в требовании совершить действия (бездействие), необходимые виновному, при вовлечении деяние заключается в изменении эмоционально-психических установок вовлекаемого лица, т. е. возбуждении у него желания, совпадающего по направленности с желанием виновного.

Поэтому точнее было бы диспозиции таких составов формулировать через конструкцию «вовлечение или принуждение к совершению каких-либо действий». Правовая природа принуждения характеризуется более высокой степенью общественной опасности, нежели вовлечения, т. к. при такой форме воздействия может быть причинен «дополнительный» психический или физический вред, не входящий в сферу действия таких составов, а потому требующий дополнительной квалификации.

Вторая глава **«Особенности квалификации преступных (противоправных) деяний, объективная сторона которых включает признаки вовлечения в преступную (противоправную) деятельность»** состоит из трех параграфов.

Первый параграф «Вовлечение несовершеннолетних в преступную (противоправную) деятельность и антиобщественные действия» содержит авторское видение пределов преступных вовлекательских действий.

Анализ работы региональных комитетов молодежной политики позволил прийти к выводу о том, что уголовно-правовые механизмы защиты интересов несовершеннолетних должны быть задействованы в крайних, действительно носящих общественно опасный характер ситуациях. Поэтому расширение ст. 150 УК РФ посредством введения новых квалифицирующих признаков видится бесперспективным. Исключение составляет вопрос вовлечения малолетних в совершение преступления. В диссертации представлены аргументы необходимости выделения в качестве квалифицирующего признака совершение преступления с лицом, не достигшим возраста 14 лет.

Анализ регулятивного законодательства, практики, доктринальных источников позволил определить круг «иных лиц» в ч. 2 ст. 150 УК РФ. Для постановления Пленума Верховного Суда РФ, касающегося преступлений, совершаемых несовершеннолетними, предложена следующая формулировка: «Под иным лицом, на которое законом возложена обязанность по воспитанию несовершеннолетнего, следует понимать мачеху, отчима, дедушку, бабушку, старшего брата или сестру, фактического воспитателя, которые в силу жизненных обстоятельств приняли на себя заботу и воспитание несовершеннолетнего, совместно проживают с ним, имеют общий быт».

Под насилием в контексте ч. 3 ст. 150 УК РФ можно понимать причинение физической боли, не повлекшей расстройства здоровья. Угрозы и иные способы психического насилия должны оцениваться по ч. 1 ст. 150 УК РФ. В диссертации предложена авторская редакция ч. 3 ст. 150 УК РФ: «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с применением насилия в отношении потерпевшего или близких ему лиц или в отношении других живых существ».

Научно обоснованы вопросы достаточности нормативно закрепленных видов антиобщественных действий, определены проблемные вопросы квалификации видов антиобщественных действий и момент окончания преступления ввиду наличия конститутивного признака – «систематичность». Доказано, что вовлечение в азартные игры несовершеннолетних требует

закрепления уголовно-правового запрета в рамках ст. 151 УК РФ. Исследования психологов, психиатров, социологов подтверждают опасность лудомании, а также тот факт, что данная форма патологии возникает в 2–3 раза быстрее у подростков, нежели у совершеннолетних. Кроме того, практически в 100% случаев она сопровождается коморбидностью с аффективными, депрессивными, тревожными, фобическими и иными расстройствами.

В настоящее время перечень одурманивающих веществ устарел. Решение этой проблемы необходимо не только для целей применения ст. 151 УК РФ. Упоминания о данных веществах эпизодически содержатся в ряде законов, поэтому правовая неопределенность неприемлема. Исходя из положений п. 4 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2020 № 472-ФЗ «Об ограничении оборота закиси азота в Российской Федерации», планируется издание Правительством РФ перечня одурманивающих веществ, аналогично тому, как сделано с наркотиками и психотропными веществами. В настоящее время факт употребления одурманивающих веществ можно определять посредством установления состояния опьянения.

Систематичность предполагает совершение трех и более любых антиобщественных действий, перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 151 УК РФ. Однако в судебной практике сложился стереотип необходимости доказывания идентичных действий. Нельзя признать систематичностью вовлечение по одному разу разных подростков либо разовое антиобщественное действие в компании взрослых. В ситуациях, когда один совершеннолетний систематически вовлекает сразу несколько несовершеннолетних в антиобщественную деятельность, должна быть юридическая оценка действий виновного по совокупности, т. е. отдельно по каждому потерпевшему, т. к. квалифицирующий признак о вовлечении нескольких лиц отсутствует, а общественная опасность, несомненно, выше.

В диссертации дается положительная оценка стремлению законодателя установить уголовно-правовую охрану вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих для их жизни

опасность. Как минимум, положительный эффект на сегодняшний день проявляется в многочисленных удовлетворенных административных исках прокуратуры о признании контента, содержащего информацию, представляющую потенциальную опасность для подростков, незаконным. Однако при этом следует отметить, что в ряде случаев «обращение» к данной норме является излишним, например, когда речь идет о запрещенных организациях, таких как АУЕ.

Рассматриваемую норму нельзя относить к особой форме подстрекательства, т. к. лицо вовлекается не в совершение преступления, а в любое противоправное деяние, например, запрещенное административным законодательством.

По признакам п. «в» ч. 2 ст. 151² УК РФ должны оцениваться деяния, когда посредством публичного выступления, СМИ или информационно-телекоммуникационных сетей несовершеннолетний вовлекается в совершение действий, представляющих опасность для его жизни. Размещение в сети Интернет контента, содержащего совершенное опасное вовлечение, не может квалифицироваться по данному пункту.

Во втором параграфе «Вовлечение в совершение преступлений против общественной безопасности и общественного порядка» рассмотрены ст. 205¹, ч. 1¹ ст. 212, ст. 240, ч. 2 ст. 242, ст. 242² УК РФ.

Вовлечение в террористическую деятельность (части 1 и 1¹ ст. 205¹ УК РФ) скомпоновано максимально широко посредством лингвистического приема в виде позиционного взаимодействия различных языковых единиц: склонение, вербовка или иное вовлечение. Альтернативно наряду с вовлечением предусмотрено вооружение или подготовка лица для совершения преступления террористической или смежной направленности. Соискателем доказано, что подготовка и вооружение представляют в определенной степени следующую стадию за вовлечением, а потому должны иметь более строгие санкции, коль скоро законодатель пошел по пути конкретизации преступной террористической деятельности. Предложена следующая редакция ст. 205¹ УК РФ:

«Статья 205¹. Содействие террористической деятельности

1. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 207, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 настоящего Кодекса, – наказываются...

1¹. Вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных в части 1 настоящей статьи преступлений, а равно финансирование террористической деятельности – наказываются

2. Деяния, предусмотренные частями первой или 1¹ настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения либо в отношении несовершеннолетнего, – наказываются

3. Пособничество в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных частями первой, 1¹ настоящей статьи, – наказывается

4. Организация совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных частями первой, 1¹ настоящей статьи, – наказывается».

Анализ положений ст. 212 УК РФ позволил сформулировать квалификационные правила. Склонение, вербовка и иное вовлечение, носящее системный характер, выраженное в вовлечении большого количества лиц, особо активной деятельности в подборе рекрутеров, свидетельствует об организаторской функции вовлечателя, поэтому его действия следует оценивать как организацию массовых беспорядков по ч. 1 ст. 212 УК РФ. В случае вовлечения в преступную деятельность неограниченного неопределенного круга лиц такие действия должны рассматриваться как призывы по признакам ч. 3 ст. 212 УК РФ.

Склонение одного лица к принятию участия в массовых беспорядках не получает уголовно-правовой оценки на практике. Выделение специального

подстрекательства к массовым беспорядкам в ч. 1¹ ст. 212 УК РФ можно объяснить важностью предупреждения попыток воздействия на власть, переструктурирования массового сознания населения России, и особенно молодежи, в сторону создания ложных убеждений в целесообразности и неизбежности демонтажа существующей системы управления. С учетом общих деструктивных процессов в мире и нарастающей практики «цветных революций» общественная опасность таких действий усилилась.

Необходимо решение проблемы несоразмерности санкций ч. 1¹ ст. 212 УК РФ и ч. 3 ст. 212 УК РФ.

Вовлечение в преступления против общепризнанных принципов «половой морали» раскрывается через особенности вовлечения в занятие проституцией и распространение порнографии. Учитывая, что Конституционный Суд Российской Федерации применительно к гомосексуальным контактам указывает критерии допустимого поведения: совершеннолетие партнеров, отсутствие насилия или вреда здоровью, добровольное согласие лиц, обращая внимание, что отношения однополых партнеров «...не находятся ни под запретом международно-правовых норм, ни под запретом Конституции Российской Федерации, статья 19 (ч. 2) которой гарантирует защиту равным образом всем лицам, вне зависимости от их сексуальной ориентации, а сексуальная ориентация как таковая не может служить правомерным критерием установления различий в правовом статусе человека и гражданина», в диссертации делается вывод о недопустимости вмешательства государства в вопросы частной жизни, к коей относится и интимная ее часть. Вовлечение в занятие проституцией предполагает добровольное вступление в ряды проституирующих совершеннолетнего лица (ч. 1 ст. 240 УК РФ), тогда как принуждение к продолжению занятию проституцией явно не вписывается в понятие добровольности. Учитывая, что вовлечение в занятие проституцией представляет собой особый вид подстрекательской деятельности, все общие признаки подстрекательства должны действовать и в случае вовлечения в рассматриваемый вид антиобщественной деятельности. Речь идет о

конкретизации вовлекательных действий. Полагаем, что такая конкретизация должна иметь под собой некие материальные предпосылки, визуализацию «серьезности намерений» вовлекателя, позволяющие закрепить в сознании вовлекаемого решение заняться проституцией.

Квалификация и наказуемость за вовлечение в незаконный оборот порнографических материалов или предметов (ст. 242–242² УК РФ) зависит от вида порнографии («детской» или «взрослой»). Ответственность за оборот «детской» порнографии связана со способами вовлечения. В диссертации делается вывод о том, что степень общественной опасности должна коррелировать с видом участия несовершеннолетнего в обороте порнографической продукции. На наш взгляд, под действие ч. 2 ст. 242 УК РФ должно подпадать распространение «взрослой» порнографии среди несовершеннолетних, по ст. 242¹ УК РФ должны квалифицироваться действия виновного по изготовлению и распространению «детской» порнографии без непосредственного участия несовершеннолетнего (фотосъемка совершеннолетнего, имитирующего себя в качестве ребенка, изготовление с помощью компьютерных программ, рисунки, гравюры и т. п. с изображением несовершеннолетнего), по признакам ст. 242² УК РФ необходимо оценивать действия виновного, где при изготовлении порнографии непосредственно участвует несовершеннолетний в качестве модели, актера и т. п.

Третий параграф «Вовлечение в преступления экстремисткой направленности» раскрывает особенности конструкции составов преступлений, предусмотренных ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282² УК РФ. Склонение, вербовка и иное вовлечение, используемые в ч. 1¹ ст. 282¹, 282² УК РФ нельзя рассматривать как синонимичные. В диссертации представлены авторские трактовки данных понятий.

При отграничении функции организатора, ответственность которого установлена ч. 1 ст. 282¹, ч. 1 ст. 282² УК РФ, следует учитывать, что организатор выполняет большой спектр действий, в том числе и подбор соучастников. В случае если речь идет о создании экстремисткой организации преступная

деятельность организатора может заключаться лишь в наборе участников, разделяющих взгляды организатора. Приискание соучастников на этапе уже существующей организации должно оцениваться по признакам ч. 1¹ ст. 282¹ УК РФ или ч. 1¹ ст. 282² УК РФ соответственно. Учитывая, что при создании экстремистской организации приискание соучастников является частью организаторских действий, дополнительная квалификация по ч. 1¹ ст. 282¹ УК РФ не требуется. Не требуется для организатора и дополнительная квалификация по ч. 2 ст. 282¹ УК РФ как исполнителя. В случае вовлечения новых участников, а также непосредственного участия в работе экстремистской организации, содеянное необходимо квалифицировать по ч. 1¹ и по ч. 2 ст. 282¹ или ст. 282² УК РФ соответственно.

Соискателем аргументируется целесообразность разделения преступной организации экстремисткой направленности и экстремисткой организованной группы. Предлагается в ч. 4 ст. 282¹ УК РФ предусмотреть особо квалифицированный признак – «деяния, предусмотренные частью первой, частью 1¹, второй, третьей, совершенные в составе преступного сообщества, наказываются...», где санкция должна соотноситься с размером санкции ст. 210 УК РФ. В таком случае необходимо изъятие из ч. 1 фразы «преступная организация».

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, формулируются основные выводы и предложения, отображаются перспективы дальнейшей разработки исследуемой проблемы.

Основные положения диссертации отражены в следующих опубликованных автором работах общим объемом 3,75 п.л.:

Статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций:

1. Травников А.В. Вовлечение как конститутивный признак объективной стороны: понятие и классификация / А.В. Травников // Российский следователь. – 2021. – № 8. – С. 51–56 (0,46 п.л).

2. Травников А.В. Вовлечение в преступления экстремистской направленности / А.В. Травников // Российский судья. – 2021. – № 9. – С. 38–43 (0,5 п.л).

3. Травников А.В. Вовлечение в совершение преступлений против общественной безопасности / А.В. Травников // Российский следователь. – 2021. – № 10. – С. 64–68 (0,5 п.л).

4. Травников А.В. Характеристика категорий «вовлечение» и «организация» в преступлениях экстремистской направленности / А.В. Травников // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 4. – С. 95–101 (0,5 п.л).

5. Травников А.В. Актуальные проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления / А.В. Травников // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – № 3. – С. 194–199 (0,6 п.л).

6. Травников А.В. Вопросы вовлечения несовершеннолетних в совершение экстремистских преступлений и их уголовно-правовая квалификация / А.В. Травников // Журнал правовых и экономических исследований. – 2021. – № 4. – С. 51–57 (0,5 п.л).

Статьи, опубликованные в иных научных изданиях:

7. Травников А.В. Вовлечение как конститутивный признак объективной стороны: понятие и классификация / А.В. Травников // Актуальные вопросы развития современного общества: Сборник научных статей 4-й Международной научно-практической конференции. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. – С. 90–97 (0,04 п.л.).

8. Травников А.В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления: вопросы толкования / А.В. Травников // Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних и молодежи: материалы Межвузовской научно-практической конференции. – СПб: «Печатный цех», 2021. – С. 60–63 (0,25 п.л.).

9. Травников А.В. Специальное подстрекательство в статьях 282¹ и 282² УК РФ / А.В. Травников // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра

[электронный ресурс]: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции: – СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 236–242 (0,4 п.л.).

ТРАВНИКОВ Александр Владимирович

**ВОВЛЕЧЕНИЕ В СОВЕРШЕНИЕ
ПРОТИВОПРАВНЫХ ИЛИ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ**

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Подписано в печать 31 марта 2022 г. Формат 60x84 1/16

Усл. печ. л. 1,4. Тираж 100 экз. Заказ № 51т

Отпечатано в отделении полиграфической оперативной печати
Редакционно-издательского отдела Академии управления МВД России
125171, г. Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, д. 8